

Современное
востоковедение

КЕНТ
КОЛДЕР

КРУГИ КОМПЕНСАЦИИ

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ
И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ЯПОНИИ

«Современное востоковедение»
= «Contemporary Eastern Studies»

Кент Колдер

**Круги компенсации.
Экономический рост и
глобализация Японии**

«Библиороссика»

2007

УДК 33.02
ББК 65.049+ 63.3(5Япо)63

Колдер К.

Круги компенсации. Экономический рост и глобализация Японии
/ К. Колдер — «Библиороссика», 2007 — («Современное
востоковедение» = «Contemporary Eastern Studies»)

ISBN 978-5-907532-28-1

Более столетия, со времен реставрации Мэйдзи и до схлопывания экономического пузыря 1990-х годов Япония развивалась взрывными темпами. Однако с тех пор она так и не смогла полноценно отреагировать на глобализацию мировой экономики. Почему политико-экономическая система страны в разных условиях показывает столь разные результаты? Кент Колдер в попытке объяснить это явление использует понятие «кругов компенсации». Под ними понимаются группы, представляющие те или иные экономические, политические или бюрократические интересы и определяющие корпоративные и индивидуальные реакции на инвестиции и инновации. Колдер рассматривает, как эти круги действуют в семи областях экономики, от поставок продуктов питания и до рынка бытовой электроники. Результатом исследования являются подробный обзор японских кругов компенсации и своеобразная дорожная карта для их расширения в будущем. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 33.02

ББК 65.049+ 63.3(5Япо)63

ISBN 978-5-907532-28-1

© Колдер К., 2007
© Библиороссика, 2007

Содержание

Предисловие	7
Введение	9
Необходимость двухуровневого анализа	10
Глава 1	13
Интригующий характер роста	14
Обильные бюджетные вливания	15
Технологическая мощь	16
Упорные усилия	17
Отчего же внезапный застой?	18
Где же быстрое возрождение?	19
Неоднозначные контуры политики	20
Ключевые тайны в контурах политики	22
Проблемы для анализа	24
Двойственные модели политики и эффективности	25
Приглушенная реакция на глобализацию?	26
Извлечения из имеющихся литературных источников	27
Краткая аргументация	33
Выводы	35
Глава 2	36
Основные положения концепции	37
Институциональные проявления	39
Географическое распределение	41
Поучительная ценность примера Японии	42
Почему круги компенсации получили широкое распространение в Японии	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Кент Колдер

Круги компенсации: экономический рост и глобализация Японии

Kent E. Calder
Circles of Compensation
Economic Growth and the Globalization of Japan

© Kent E. Calder, 2007
© Stanford University Press, 2017
© А. Разин, перевод с английского, 2022
© Academic Studies Press, 2022
© Оформление и макет. ООО «Библиороссика», 2022

Предисловие

Как мы часто убеждаемся, замешательство перед загадочным явлением является катализатором интеллектуального прогресса. Оно помогает увидеть противоречия в парадигмах, которыми мы пользуемся для понимания мира, и усовершенствовать и преобразовать их. Способность понимать и успешно решать встающие перед нами головоломки является, по моему глубокому убеждению, одним из самых важных навыков, которые мы можем развить в своей жизни.

Именно загадки привлекли меня более сорока лет тому назад к изучению Японии и ее противоречивой политики. Впервые я оказался в Токио восьмилетним мальчиком, только что приехавшим с американского Запада. Я увидел город, который вроде бы был западным, а вроде бы и нет. Когда через пятнадцать лет я начал серьезно изучать политические аспекты экономических проблем Японии, передо мной предстала большая нация, скорость развития которой определялась двузначными цифрами, но которая подчинялась при этом нормам мира, гораздо менее эффективного и динамичного. А когда тремя годами позже я приступил там к полевым исследованиям, то увидел страну, не имеющую углеводородов, постоянно сотрясаемую внезапными нефтяными кризисами, но при этом приспособляющуюся ко всему этому плавно, без тех социальных потрясений, что охватили как страны «большой семерки», так и большую часть развивающегося мира.

Позднее, начав около десяти лет тому назад работу над этой книгой, я заметил контраст между турбулентностью глобализирующегося после холодной войны мира, охваченного информационной революцией и новыми конфигурациями безопасности, и спокойствием самой Японии. Будучи всем этим озадачен, я начал поиски простой аналитической парадигмы, которая смогла бы объяснить столь странное сочетание перемен и исторической преемственности. Прежде всего я надеялся, что благодаря своей простоте, абстрактности и соответствию реальному опыту любая новая парадигма, к которой я приду, выйдет за пределы изучения Японии и обретет свою применимость в рамках остального мира.

Я благодарен многим ученым, студентам, коллегам и друзьям, которые поддерживали меня в этих продолжительных поисках. Сумиё Нисидзаки, Синитиро Итияма, Кадзухиро Хасегава, Гёнхи Ким, Миган Фостер Дик, Александр Эванс, Юн Хан, Оливия Шибер, Софи Янг, Азуса Доновски, Мина Фукасава и Алисия Генри – все они в критические моменты поддерживали меня в моих исследованиях. Щедрую финансовую поддержку я получил от Центра глобального партнерства Японского фонда и Центра восточноазиатских исследований им. Эдвина Райшауера / Школы перспективных международных исследований при Университете Джона Хопкинса. Семинары в Оксфордском, Токийском, Васеда, Сеульском национальном и Наньянском университетах обеспечили исследование эффективным рецензированием. Бесперебойное редактирование и выпуск организовала команда издательства Стэнфордского университета, начиная с Джеффри Берна и включая Дженнифер Гавакс, Кейт Уол, Джеймса Холта, Эмили Смит, Джея Харварда, Оливию Бартц и Кэролин Хейли. А решающую роль сыграла поддержка наставников, коллег и друзей – Вали Насра, Джессики Эйнхорн, Питера Льюиса, Джона Харрингтона, Джона Рооса, Фрэнсиса Фукуяму, Леонарда Линна, Курта Тонга, Билла Граймса, Ульрике Шеде, Билла Брукса и Расти Деминга, – а также моей семьи.

В работе над столь сложным и, да, *загадочным* предметом, как этот, я уверен, осталось немало изъянов и недостатков. Я охотно отношу их на свой счет. Остается лишь надеяться, что в настоящем сравнительном исследовании того, как нации и их граждане стремятся к стабильности в меняющемся мире, читатели найдут понимание, которое будет перекликаться с их собственным и в какой-то мере расширит его.

Вашингтон, округ Колумбия.
Декабрь 2016 г.

Введение

Сталкиваясь с парадоксом

В течение последнего столетия в своих настойчивых попытках не отстать от глобальных лидеров новые индустриальные страны столкнулись с критически важным двойным императивом: проблемой, размеры и решение которой затуманены условным разделением социальных наук. С одной стороны, они столкнулись с требованиями экономического развития, осуществляемого посредством государственной власти [Gerschenkron 1962], с другой – чтобы обеспечить беспрепятственное проведение экономических преобразований под руководством государства – с проблемой поддержания порядка в меняющихся обществах [Huntington 1968].

С конца 1940-х годов эти двойственные внутригосударственные императивы позднего развития еще более осложнялись международным контекстом. Холодная война делала внутреннюю стабильность в развивающихся странах все более важной для таких сверхдержав, как США, и провоцировала соперничающие лагеря на борьбу за формирование местных политико-экономических конфигураций. Также начиная с 1970-х годов политика стабильного развития реализовывалась во взаимодействии с мировыми финансами, поскольку глобализация все теснее связывала отдельные экономики и увеличивала международную значимость внутренних событий в любой из стран. В свете турбулентности финансовых кризисов в Мексике (1994–1995) и в Азии (1997–1998) эти новые реалии стали еще более очевидными, см., напр., [Haggard et al. 2003; Pempel 1999; Stiglitz 2002]. Все чаще внутренние преобразования в развивающихся странах приобретают двухуровневый характер, взаимодействуя как с внутренней, так и с международной политикой, обладая в то же самое время политическим и экономическим аспектами.

Более двух десятилетий политико-экономические трансформации в развивающемся мире не подвергались ни достаточному эмпирическому изучению, ни адекватному теоретическому исследованию, что объясняется как сложным междисциплинарным характером ответных реакций на позднее развитие, так и случившимся после разрядки международной напряженности отступлением от консервативных исследований политического развития эпохи Вьетнамской войны. Ученые, разумеется, изучали, как формулируются стратегии развития и как потенциал государства влияет на реализацию этих стратегий, см., напр., [Johnson 1982; Evans 1995; Woo-Cumings 1999; Kohli 2004]; тем не менее вопросам нейтрализации конфликтов и поддержания политической стабильности в развивающихся обществах, по крайней мере за пределами Ближнего Востока, внимания уделялось мало. В той мере, в какой изучались социально-политические конфликты, приоритет отдавался толкованию этнических противостояний, и даже при этом акцент неизменно делался на их причинно-следственной обусловленности, а не на способах их разрешения [Ganguly, Macduff 2003].

Необходимость двухуровневого анализа

Особенно бросается в глаза отсутствие как эмпирических исследований, так и теоретических разработок, касающихся того, как конкретно связаны системные изменения в глобальной политико-экономической системе и внутренняя политика отдельных стран. Аналитики абстрактно говорят о двухуровневых играх [Putnam 1988]. При этом катастрофически недостает конкретных исследований того, как транснациональная торговля, а также финансовые и интеллектуальные потоки влияют на политико-экономическое поведение на национальном и субнациональном уровнях. Эта малочисленность двухуровневых исследований особенно бросается в глаза на фоне масштабных изменений, которые претерпевает глобальная политико-экономическая система с середины 1970-х годов (о масштабе этих изменений см. [Frieden 2006: 363–472]). Люди все быстрее передвигаются по миру, пересекать границы становится все легче, и, наконец, появление Интернета, значительные трансформации транспорта и коммуникаций привели к взрывному росту трансграничной торговли и финансовых транзакций.

Не менее парадоксальной явилась неспособность как представителей нынешней академической науки, так и политических аналитиков к исследованию непреходящей актуальности для развивающихся стран и для глобального порядка в целом японского опыта. Но ведь, в конце концов, именно в Японии впервые за пределами Запада началась индустриальная модернизация, именно поразительные экономические и военные успехи Японии вызывали общемировой интерес к ней и встревоженность ею на протяжении первых трех четвертей XX века. Опыт развития Японии привлекал Сунь Ятсена, Чжоу Эньлая, Субхаса Чандру Боса и других азиатских националистов, искавших парадигму для будущего своих стран вне Запада. В то же время японский опыт привлек заинтересованное внимание и таких политиков Запада, кто, подобно Джону Фостеру Даллесу, искал в годы холодной войны с ее напряженностью и ожесточением некоммунистическую альтернативу Китаю.

В то время американские ученые на конференциях Маунт Фудзи обстоятельно обсуждали японскую модель развития и ее значимость для развивающихся стран¹. Но сегодня мало кто этим занят. В той мере, в какой японская модель вообще рассматривается, она оценивается почти исключительно с точки зрения ее соответствия заботам «большой семерки» (G7) промышленно развитых стран или Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Тем не менее секреты прошлого и настоящего Японии имеют несомненное значение для всего мира.

Нигде Япония не являет собой более захватывающую загадку, чем в своей реакции на социально-экономическую глобализацию, доминировавшую в мировой политике с середины 1970-х годов². В сфере торговли, финансов и потоков технической информации она и другие страны оказываются все более взаимозависимыми. Тем не менее в Японии обнаруживаются резкие различия между входящими и исходящими потоками, а также заметный перекос в сторону углубленного взаимодействия с передовыми рынками. Япония также сохраняет своеобразные внутренние институты принятия решений и обработки информации, которые контринтуитивным образом искажают политико-экономические результаты, что нуждается в более глубоком осмыслении.

¹ Этот цикл из шести научных конференций, проходивших в Хаконе, в тени горы Фудзи, начиная с конца августа 1960 года собирал ученых из крупнейших японских и американских университетов для обсуждения концепции модернизации и ее применения в Японии; описание см. в [Conrad 2012].

² Под глобализацией мы понимаем процесс трансрегиональной международной интеграции, обусловленный обменом товарами, идеями и другими аспектами культуры. Развитие транспортной и телекоммуникационной инфраструктуры, включая распространение Интернета, является основным фактором глобализации, порождающим дальнейшую взаимозависимость экономической и культурной деятельности.

Динамика международной торговли и инвестиций Японии иллюстрирует парадоксальный характер глобализации экономики этой страны. В 2015 году Япония была четвертым крупнейшим экспортером и импортером в мире, что примерно соответствует ее положению третьей по номинальному валовому внутреннему продукту (ВВП) мировой экономики³. На долю домашнего азиатского региона приходилось 57 % японского экспорта, что более диверсифицированно, чем 61,0 % в Корею, но менее, чем китайские 43,0 %. И напротив, в глобально удаленные от Японии Африку и Южную Америку шли только 3,6 % японского экспорта, по сравнению с 5,7 % для Кореи и 8,4 % для Китая [Simoes, Hidalgo 2011]. Таким образом, в своей торговле Япония была лишь чуть менее глобальной, чем Корея или Китай.

Япония занимает четвертое место в мире среди крупнейших международных инвесторов; отток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из страны в 2014 году составил 113,6 млрд долларов США⁴. Это резкое увеличение на 102,0 % по сравнению с 2010 годом почти в четыре раза больше, чем в Корею, и чуть меньше, чем в Китае⁵. Тем не менее заграничные инвестиции Японии в неосвоенный африканский рынок составили менее 1,0 % от их общего объема, по сравнению с 4,0 % в Китае⁶. А приток ПИИ в Японию в 2014 году составил всего \$2,1 млрд – менее четверти от притока в соседнюю Корею и менее одной шестидесятой от притока в Китай⁷. Доля Японии составила *лишь четверть* от пропорционального ВВП потока ПИИ в США⁸. Кроме того, общий объем входящих ПИИ в Японию сократился более чем на 80,0 % по сравнению с притоком ПИИ в 2009 году, который и так был минимальным⁹.

Парадоксальный облик японская глобализация имеет не только в экономической, но и в социально-политической сфере. Например, Япония последовательно отдает дань уважения таким абстрактным символам глобализма, как Организация Объединенных Наций. В мире известны творческие личности Японии, в частности дирижер оркестра Сэйдзи Одзава, а такие японские архитекторы, как Кэндзо Танге, имеют исключительное глобальное признание. Япония также взрастила таких предпринимателей, как Хироси Микитани и Масаёси Сон, которые креативно и энергично взаимодействуют с внешним миром. В таких отраслях, как автомобилестроение и торговля широкого профиля, японские фирмы успешно реализуют чрезвычайно сложные подходы к глобальным рынкам.

Однако более распространенной моделью во многих секторах является узость интересов, оборонительное поведение и нерешительность при взаимодействии с глобальными рынками и идеями. Эта зашоренность тонко скрыта от японского общественного сознания лингвисти-

³ По данным Всемирного банка: World Bank, Merchandise exports (current US\$), World Development Indicators, 2015. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.MRCH.CD.WT> (дата обращения: 14.01.2022); и World Bank, GDP (current US\$), World Development Indicators, 2015. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (в настоящий момент ресурс недоступен).

⁴ UNCTAD, Annex table 1. FDI flows, by region and economy, 2009–2014, World Investment Report 2015, A3-A6. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2015_en.pdf (дата обращения: 14.01.2022).

⁵ В 2014 году ПИИ Японии составил \$113,6 млрд в Корею – \$30,6 млрд, в Китае – \$116,0 млрд. UNCTAD, Annex table 1. FDI flows, by region and economy, 2009–2014, World Investment Report 2015, A3-A6. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2015_en.pdf (дата обращения: 14.01.2022).

⁶ В 2012 году объем ПИИ Японии в Африке составил \$6,9 млрд, то есть 0,66 % от общего объема японских зарубежных инвестиций. Для сравнения, объем ПИИ Китая в Африке в том же году составил \$21,7 млрд, 4,10 % от общего объема ПИИ. UNCTAD, Bilateral FDI Statistics 2014. URL: <http://unctad.org/en/Pages/DIAE/FDI%20Statistics/FDI-Statistics-Bilateral.aspx> (в настоящий момент ресурс недоступен).

⁷ Приток ПИИ в Корею в 2014 году составил \$9,9 млрд, а приток ПИИ в Китай в том же году – \$128,5 млрд [World Investment Report 2015].

⁸ World Bank, Foreign direct investment, net inflows (% of GDP), World Development Indicators, 2014. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (в настоящий момент ресурс недоступен). По данным Всемирного банка, чистый приток ПИИ в Японию в 2014 году составил 0,2 % от ВВП Японии, в то время как чистый приток ПИИ в США в том же году составил 0,8 % от ВВП США.

⁹ Приток ПИИ в Японию составил \$11,9 млрд в 2009 году, сократившись до \$2,1 млрд в 2014 году [World Investment Report 2015].

ческой реальностью: глобализация не имеет общепринятого перевода в японском языке, за исключением расплывчатого «интернационализация»¹⁰.

В первые тридцать лет недавней эпохи глобализации (примерно 1975–2005 гг.) провинциализм, лежащий в основе этой лингвистической двусмысленности, все усиливался, несмотря на ускорение темпов международных политико-экономических изменений, происходивших во всем мире.

Именно в тот момент, когда Япония нуждалась в том, чтобы быть более инновационной и инициативной, она стала более пассивной, шаблонной, несклонной к риску, замкнулась в кокон, причем внутри страны эти тенденции практически не вызвали возражений. Такая перемена оказала разрушительное воздействие на экономические и социально-политические отношения Японии с широким миром, но ее трудно объяснить с точки зрения традиционных категорий – в частности, государственной стратегии или национальной идентичности. Загадка нерешительной и неоднозначной внутренней реакции Японии на масштабные глобальные изменения, происходившие с 1970-х годов, заслуживает серьезного изучения, которое мы намерены провести в контексте более комплексного исследования структур стимулирования и организационного поведения.

¹⁰ Понятие углубления взаимозависимости с миром обычно выражается как *кокусэйко* (интернационализация) или иногда *гуробарука* (транслитерация английского слова), при этом отсутствует четкое критическое разграничение между углублением связей с соседними странами и признанием существования более новой, широкой, интегрированной глобальной реальности.

Глава 1

Японский парадокс и государственная политика

В течение ста с лишним лет, с середины эпохи Мэйдзи в 1890-х годах до краха финансовых пирамид на японском рынке недвижимости чуть более века спустя, ее экономика служила образцом для всего мира, демонстрируя одни из самых высоких темпов роста на Земле. В те гордые десятилетия Япония стала первым незападным государством, которое провело успешную индустриализацию, и одной из немногих стран Азии и Африки, избежавших колониального порабощения Западом. После мрачной империалистической интермедии начала XX века с началом Корейской войны Япония возобновила свой стремительный экономический рост, причем еще более высокими темпами, чем раньше, присовокупив к нему поразительную справедливость в распределении доходов.

Интригующий характер роста

С 1990 года картина кардинально изменилась. Реальный рост экономики Японии составлял в среднем чуть менее одного процента в год по сравнению с 2,5 % в США и 1,7 % в Евросоюзе¹¹. Он был также значительно медленнее, чем в недавнем прошлом самой Японии: 4,4 % в 1980-х годах¹² и около 9,7 % в период высоких темпов роста с 1955 по 1970 год¹³. Между тем неравенство в стране также резко усилилось, и по объему ВВП на душу населения она опустилась с первого на двадцать третье место в мире¹⁴.

¹¹ Расчеты автора по данным Мирового банка (рост ВВП в % годовых); см.: World Development Indicators, 1990–2015. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG> (в настоящий момент ресурс недоступен).

¹² Расчеты автора; см. там же.

¹³ Расчеты автора по данным бюро статистики Министерства внутренних дел и коммуникаций Японии (3–1, Валовые внутренние расходы в постоянных ценах – 68SNA, контрольный период = 1990 год (С.У. 1955–1998), Historical Statistics of Japan).

¹⁴ В 1990 году Япония занимала двенадцатое место в мире по ВВП на душу населения в текущих ценах в долларах США по сравнению с тринадцатым местом у Соединенных Штатов. К 2015 году Япония по тому же показателю опустилась на двадцать третье место, тогда как США вошли в первую десятку (данные Мирового банка, ВВП на душу населения (в текущих ценах в долларах США)); см.: World Development Indicators, 2015. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD> (дата обращения: 14.01.2022).

Обильные бюджетные вливания

В частности, с 1980-х годов Япония часто задействовала масштабные бюджетные инъекции кейнсианского (тяготеющего к государственному регулированию экономики) типа, одобренные и утвержденные мировым сообществом. Эти химерические попытки привели к тому, что совокупный бюджетный дефицит Японии достиг 248 % ВВП – самого высокого на планете уровня¹⁵. За двадцать месяцев после соглашения Плаза 1985 года японское правительство под руководством министров финансов Нобору Такэсита и Киити Миядзава приняло экономические контрмеры на сумму в почти 13 трлн йен для оживления внутреннего спроса¹⁶. В рамках инициативы по преодолению структурных препятствий (Structural Impediments Initiative), проводимой в начале 1990-х годов совместно с США для борьбы с хроническим торговым дисбалансом, Япония обязалась выделить 430 трлн йен на дополнительное бюджетное финансирование в течение десятилетия после подписания в октябре 1990 года соответствующего соглашения [Komine, Okada 2011:419]. В 1998–1999 годах правительство Кейдзо Обути выделило вдобавок к этой сумме еще около 42 трлн йен на борьбу с азиатским финансовым кризисом, причем большая часть этих денег была направлена на стимулирование инфраструктурных проектов¹⁷.

¹⁵ Международный валютный фонд: Совокупный бюджетный дефицит (% ВВП) // World Economic Outlook, October 2016.

¹⁶ Меры по стимулированию экономики были приняты в виде трех огромных пакетов – ¥3,12 трлн в октябре 1985 года; ¥3,63 трлн в сентябре 1986 года; и ¥6,00 трлн в мае 1987 года – и сочетали стимулирование инфраструктурных проектов и снижение налогов. Например, в пакете 1987 года ¥5,00 трлн выделялось на инфраструктурные проекты и ¥1,00 трлн – на снижение налогов. Дипломатический справочник Японии 1988 года описывал реализацию пакета стимулирующих мер как достижение в сокращении огромного дисбаланса внешней торговли Японии и превращении экономической структуры Японии в структуру, более гармонично сочетающуюся с экономиками других стран [Muramatsu, Kitamura 2010: 175]. URL: www.esri.go.jp/jp/others/kanko_sbubble/analysis_07.html (дата обращения: 14.01.2022); Japanese Optimistic on Economic Growth // Journal of Commerce, June 21, 1987. URL: www.joc.com/maritime-news/japanese-optimistic-economic-growth_19870621.html (в настоящий момент ресурс недоступен); Ministry of Foreign Affairs, Diplomatic Bluebook 1988. URL: www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1988/1988-contents.htm (в настоящий момент ресурс недоступен).

¹⁷ В том числе о ¥23,9 трлн было объявлено в ноябре 1998 года и о ¥18 трлн – в ноябре 1999 года [Muramatsu, Kitamura 2010].

Технологическая мощь

Помимо этого, Япония на протяжении многих лет совершала значительные технологические прорывы. Ее автопроизводители дали начало гибридным автомобилям. Так, председатель совета директоров ведущего японского автопроизводителя Toyota Motor Corporation Такеши Утиямада считается отцом гибрида. Японские сталелитейные компании стали пионерами в производстве аморфных металлов, японские строительные компании разработали самую передовую и эффективную в мире технологию прокладки туннелей, а японская бытовая электроника возглавила движение к миниатюризации, впервые в мире разработав, например, самые миниатюрные в мире высокочастотные ОЗУ¹⁸.

¹⁸ О скоординированных государственно-частных действиях по разработке микросхем СБИС см. [Hofheinz, Calder 1982: 154–157].

Упорные усилия

Нет оснований сомневаться, что Япония – ее руководство, ее первоклассные управленцы и великолепно организованные корпорации – по завершении периода высоких темпов роста посвятили свои помыслы и усилия борьбе за возрождение, что стоило им более двух десятилетий упорных усилий. Лидерами Японии были, по сути, те же люди и институты, которые вызвали столь чудесный рост экономики в предыдущие десятилетия.

Вновь и вновь в годы высоких темпов роста, назовем хотя бы 1958, 1965, 1974 и начало 1980-х, им удавалось возродить национальную экономику и вести ее по сияющему столетнему пути исключительного динамизма. Однако на этот раз такому не суждено было случиться.

Отчего же внезапный застой?

Почему же Япония, которая так бурно и стабильно развивалась на протяжении более чем ста лет, вдруг обнаружила, что ей трудно расти? Почему ее резко обогнали такие страны, как США, не говоря уже о ее динамичных азиатских соседях, которые так долго казались неспособными даже близко подойти к японским стандартам производительности? И почему столь выраженный относительный сдвиг в моделях роста – от образцовой к неубедительной, по сравнению как с внешне похожими странами, так и с собственным прошлым, – произошел именно тогда, когда произошел, и так внезапно? Каковы необходимые предпосылки, включая институциональные преобразования, для долгосрочного возрождения Японии? Насколько важны как ограничители необходимых перемен унаследованная политическая культура и укоренившиеся элиты?

Очевидно, что в таком внезапном и тревожном преобразении Японии кроется парадокс, имеющий большое значение как в сфере практических дел, так и для теории социальных наук.

Где же быстрое возрождение?

Средний индекс Nikkei 225 Токийской фондовой биржи в конце декабря 1989 года достиг почти 39 000¹⁹. Двадцать пять лет спустя, к концу 2016 года, несмотря на масштабные усилия по стимулированию экономики, множество планов структурных реформ и четыре крупные смены политической власти, он все еще составлял менее половины этого числа²⁰.

Признанные реформаторы, от Морихиро Хосокавы и Дзюньитиро Коидзуми до Юкио Хатоямы, Наото Кана и Ёсихико Нода, приходили и уходили, но, несмотря на изменения в избирательных и нормативных правилах, которые должны были бы существенно изменить стимулирующие политико-экономические структуры, никто из них не добился серьезных структурных изменений. В то время как Синдзо Абэ с его хваленой направленной на борьбу с дефляционным давлением программой «трех стрел» с помощью агрессивных монетарных и бюджетных послаблений смог на время оживить фондовый рынок, третья стрела структурной реформы не показала никаких признаков изменения политико-экономической системы Японии. Рост экономики продолжал идти по неопределенной траектории, как это показано на рис. 1.1. Торговый баланс страны по товарным позициям постоянно оставался дефицитным (особенно после аварии на АЭС Фукусима в 2011 году), даже в то время, когда соседи Японии, наряду с большинством развитых промышленных стран, сохраняли гораздо более высокие темпы роста. Например, во втором квартале 2015 года экономика Японии сжалась в объеме на 0,7 % в годовом исчислении, а дефицит торгового баланса по товарным позициям остался на уровне 406,6 млрд йен, поскольку экспорт, несмотря на ослабление иены, не увеличился [Ministry of Finance 2016].

¹⁹ Nikkei 225 достиг максимума в 38 957,44 29 декабря 1989 года (см. историческую динамику индекса Nikkei (Nikkei 225). URL: <http://indexes.nikkei.co.jp/en/nkave/archives/data> (дата обращения: 10.04.2022).

²⁰ Максимальная цена Nikkei 225 на 9 декабря 2016 года составила 19 042,48. Несмотря на значительное стимулирование со стороны абэномики, он восстановился лишь до 49 % от уровня 1989 года.

Неоднозначные контуры политики

Помимо парадоксов в контурах роста – в частности, его стабильной динамики в течение более чем столетия, за которой последовало резкое затухание – новейшая история Японии также демонстрирует аномалии в формировании политики. Они, вероятно, помогут понять загадочные закономерности роста и стагнации, описанные ранее. Одним из примеров в этом отношении является японское корпоративное управление и его медленная, неспешная трансформация. Во многих частях мира изменения происходили гораздо быстрее, чем в Японии.

Сформировавшийся в 1980-х годах мощный мировой рынок ценных бумаг сменил стимулы для государств всего мира и предложил политическим лидерам золотую сделку: шанс получить на внутренние рынки приток дешевого и обильного капитала в обмен на реформы корпоративного управления и соответствующие инновации в сфере регулирования²¹. Франция и Корея воспользовались предоставившимися возможностями и провели весьма перспективные реформы с целью сделать свои фирмы более привлекательными для иностранного капитала. Япония, однако, так не поступила.

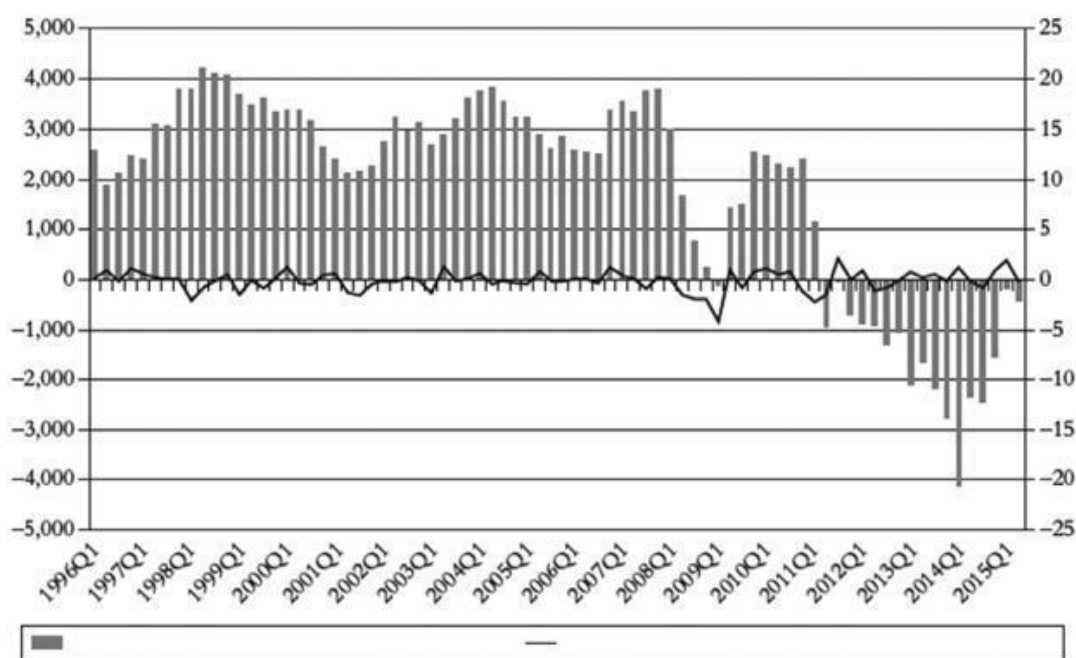

Рис. 1.1. Экономическая борьба после краха

Источники: [Ministry of Finance 2016; Table 6s-a-1; Office 2016].

В широком спектре связанных с глобализацией сфер японская политика также резко отличается от политики многих развитых индустриальных стран, с которыми Япония в остальном схожа. Среди таких отличающихся отраслей экономики – транспорт, недвижимость, сельское хозяйство и жилищное строительство. В большинстве этих сфер политика Японии имеет тенденцию быть жесткой, политизированной и узкоспециализированной, хотя, как мы увидим в главах 4–9, предсказуемой и выгодной для тех, кто ее давно осуществляет. Даже происходящие в ней изменения двигаются черепашьям шагом, особенно если учесть осу-

²¹ Об этих динамичных глобальных возможностях и вызовах см. [Tiberghien 2007].

ществовавшие на протяжении жизни предыдущего поколения существенные трансформации политико-экономических стимулов как на глобальном, так и на национальном уровнях.

Ключевые тайны в контурах политики

В структуре формирования политики новейшей политико-экономической истории Японии наблюдаются три парадокса, которые могут дать дополнительные подсказки для разрешения главной загадки резкого снижения темпов развития страны.

*Парадокс реакции на глобализацию*²². На протяжении всего послевоенного периода символы глобализма пользовались в Японии популярностью как в политическом дискурсе элиты, так и в массовом общественном диалоге: мир, Организация Объединенных Наций, глобальная ответственность и т. п. Отличаясь относительно быстрой реакцией, Япония как государство оперативно проявляла свое отношение к целенаправленному внешнему давлению, или *гайяцу*, как в плане риторики, так и в отношении национальной политики, что сглаживало основные противоречия во внутренней японской политической экономике [Calder 1988b; Schoppa 1997; Schaede, Grimes 2003]. Однако на мощные ветры глобализации, которые за последние три десятилетия изменили большую часть мировой экономики, как практическая политика, так и поведение японских предприятий реагируют крайне неторопливо – несмотря на высокий уровень взаимозависимости Японии и всего мира в таких стратегических областях, как финансы. Японские порты и аэропорты остаются высокзатратными и ориентированными на внутренний рынок; японское сельское хозяйство также отличает протекционизм. Японская политика регулирования в сфере телекоммуникаций и финансов очень медленно приходит в соответствие революционным изменениям, охватывающим в этих секторах мир с 1980-х годов. Японское образование, как и профессиональная подготовка, остаются местечково-провинциальными, хотя их картина и начинает постепенно меняться.

Парадокс межотраслевого контраста. В государственной политике Японии, по крайней мере с 1950-х годов, наблюдаются резкие контрасты: сильная рыночная ориентация тех предприятий, что непосредственно производят внешнеторговую продукцию, и широко распространенный протекционизм и благосклонное отношение ко многим неэффективным субъектам хозяйствования в неторгуемых отраслях. Такой отдельный подход предполагал низкие тарифы на промышленные ресурсы и решительные усилия по стимулированию производства в торгуемых секторах с более высокой добавленной стоимостью. В то же время государственная политика в неторгуемой части экономики потворствовала крайне протекционистскому и экономически неэффективному отношению к таким отраслям, как транспорт, строительство, сельское хозяйство и сфера услуг.

Парадокс непоследовательности. В Японии, как и в большинстве развитых обществ, существуют тщательно разработанные правила управления. Как в международных, так и во внутренних политических операциях, состоявшиеся инсайдеры – те, кто систематически, в течение длительного времени, участвует в хрестоматийных сделках с другими легитимными субъектами политики, – обычно пользуются благоприятным к себе отношением. Японская политика, как и японская социальная практика в целом, склонна отдавать предпочтение инсайдерам перед аутсайдерами, будь то последние иностранцы или местные жители. Она также не склонна к быстрому внедрению абстрактных глобальных стандартов, несмотря на то что многие японцы лично уважают и идеализируют такие нормы.

Говорят, что японская политика меняется, становится менее ориентированной на уравновешивание, что в конечном итоге ведет к превращению Японии в неолиберальную страну, см., напр., [Rosenbluth, Thies 2010]. Со времени реформ 1994 года электоральная политика

²² Под глобализацией в этой книге понимается процесс или процессы международной интеграции, происходящие в основном по четырем направлениям: торговля, движение капитала, миграция и распространение знаний. Этот процесс включает в себя смягчение и устранение барьеров на национальных границах для облегчения движения товаров, капитала, услуг и рабочей силы.

действительно стала более гибкой и плюралистичной. Тем не менее значимые нелиберальные структурные реформы продвигаются медленно, даже когда их настойчиво продвигают такие сильные лидеры, как Дзюньитиро Коидзуми и Синдзо Абэ.

Проблемы для анализа

Со времен Аристотеля в теории социальных наук принято считать, что самыми убедительными объяснениями являются те, что сравнивают явления внутри одной категории, и те, что могут одновременно объяснить как сходства, так и различия в поведении [Mill 1843]. Учитывая парадоксальные особенности развития Японии в последний период времени, можно говорить о перспективности теоретических исследований, поскольку это развитие характеризуют резкие, скачкообразные изменения ранее непрерывной переменной. Во многих отношениях сложный профиль развития Японии, как представляется, является следствием естественного эксперимента.

Двойственные модели политики и эффективности

Для объяснения недавних показателей развития Японии необходимо провести одновременный анализ двух отдельных и, на первый взгляд, противоречивых сюжетов: (1) необычайно бурное развитие страны и его высокие темпы после Второй мировой войны (1951–1990 гг.); и (2) последующая стагнация Японии (1990 г. – настоящее время). Если мы нуждаемся в качественном и действительно надежном объяснении этих процессов, то оно должно предложить также потенциально проверяемые прогнозы, касающиеся третьей аналитической задачи: понимания предпосылок и перспектив возрождения Японии.

Аналізу причин японского экономического роста уделялось достаточно серьезное внимание как в экономической, так и политико-экономической литературе. Однако авторы большей части публикаций не предвидели и не могли с достаточной легкостью объяснить возникшие впоследствии трудности. Второй и третий моменты, объясняющие недавнюю стагнацию Японии и перспективы ее возрождения, рассматриваются гораздо реже. Практически ни в одной из существующих публикаций не делается попытка объяснить возникшие трудности при помощи тех же переменных, которые учитывались при объяснении предыдущих успехов.

Приглушенная реакция на глобализацию?

Наступивший в экономике Японии период стагнации совпал также с поистине историческими изменениями по всему миру. С конца 1970-х годов с невероятной силой развернулись информационная трансформация и интеграция мировой финансовой системы, закончилась холодная война, произошла интернет-революция, на глобальную экономическую сцену вышло огромное количество новых действующих лиц – прежде всего из Китая, Индии и бывшего советского блока. Поэтому важными и требующими тщательного рассмотрения вопросами нашего анализа станут также: (1) как глобализация влияет на японскую политико-экономическую систему; и (2) почему Япония не реагирует на глобальные изменения более динамично.

Извлечения из имеющихся литературных источников

Как уже говорилось, модель развития Японии фиксирует прерывистость этого развития. Большая часть таких базовых макроэкономических и демографических параметров этой модели, как норма сбережений и возрастная структура, не претерпели резких изменений, что говорит о том, что приоритетное значение имеют более резко меняющиеся политико-экономические переменные. Для того чтобы выявить причинно-следственные связи внутри разгадываемых нами загадок, мы прежде всего обратимся к литературе по политико-экономическим вопросам.

Нашей отправной точкой должно стать рассмотрение микроэкономических структур стимулов и их взаимосвязи с социальными действиями. Классическая экономика, конечно, начинается с рационального актора как основной парадигмы, к которой теория игр добавляет важное понимание того, как взаимодействуют, формируя логику сотрудничества и конфликта, в которой имеют преимущество более широкие социальные отношения, стимулы отдельных акторов, см., напр., [Schelling 1974: 15–29]. Логика конфликта наглядно иллюстрируется базовым обоснованием игр с помощью таких примеров, как, например, дилемма заключенного. Однако идеи Роберта Аксельрода и Джорджа Цебелиса показывают нам, как с течением времени итерации данного социального взаимодействия, или игры, равно как и стабильные ожидания относительно такого взаимодействия, делают кооперацию более вероятной, тем самым помогая смягчить конфликт, притом что более широкие социальные отношения сохраняют свою непрерывность [Axelrod 1984: 145–191; Tsebelis 1990]. В этих работах показано, кроме того, что кросс-проблемные связи между социальными вопросами также могут способствовать сотрудничеству. Однако Манкур Олсон в своей оценке эффекта безбилетника показал, что побудительные мотивы к катализации коллективных действий для отдельных людей все же ограничены [Olson 1965].

В реальном мире, несмотря на логически убедительные доводы Олсона о том, что индивидуальные стимулы для коллективных действий ограничены, эмпирически понятно, что коллективные действия в некоторых ситуациях не просто распространены, но распространены широко и являются устойчивыми. Таким образом, случаи, когда подобные ситуации сотрудничества превалируют, и способы, которыми они стабилизируются, являются для теории организации парадоксом в свете показанных Олсоном стимулов для безбилетников, которые, логически рассуждая, должны доминировать.

В совокупности в последних работах по теории игр демонстрируется логика, лежащая в основе институтов сотрудничества, которые столь заметны в Японии на субнациональном уровне. Высказаны предположения относительно того, какую функциональную роль могут потенциально играть такие институты в снижении рисков, рутинизации конфликтов и препятствовании безбилетникам. Тем не менее сама теория игр не обладает достаточными возможностями для понимания более широких макро-социальных последствий любых конкретных межличностных отношений в рамках кругов компенсации, которые имеют место в реальности. Для достижения такого более глубокого и тонкого понимания требуются более детальные эмпирические исследования, основанные на теоретическом базисе.

Еще один набор идей зафиксирован в широком круге исследований, посвященных влиянию институтов на экономическое поведение, первыми авторами которых стали такие ученые, как Оливер Уильямсон, Дуглас Норт, Джордж Стиглер, Дарон Асемоглу, Джеймс Робинсон, Манкур Олсон и Элинор Остром [Williamson 1985, 1990; Stigler 1971; Ostrom 1990; Acemoglu, Robinson 2012]. В рамках одного направления институционалистской литературы было установлено, что такие частные структуры, как фирмы и промышленные группы, могут повысить эффективность и ускорить развитие за счет снижения транзакционных издержек и распреде-

ления рисков. Другое же направление, инициированное такими экономистами, как Джордж Стиглер, и усиленное такими политэкономистами, как Дарон Асемоглу и Джеймс Робинсон, продемонстрировало в дополнение к вышесказанному, что государственные органы способны замедлить рост и снизить эффективность посредством невольного регулирования, позволяющего фирмам и другим субнациональным субъектам собирать чрезмерную ренту. Третье направление, представленное такими учеными, как Манкур Олсон, подчеркивает порочное воздействие на скорость экономического роста промежуточных органов (распределительные коалиции), которые служат связующим звеном между государством и обществом²³.

Все три направления институционалистской литературы, объясняющие как положительное, так и отрицательное влияние на рост субнациональных институтов, помогают нам понять кажущуюся противоречивой динамику, имеющую место в современной японской политико-экономической системе.

В дополнение к институциональным экономистам такие социологи, как Джеффри Пфедфер, Джеральд Саланчик и Нил Флигштейн, показали, как внешнее давление формирует внутреннее поведение фирм, правительств и промежуточных коллективных объединений [Pfeffer, Salancik 1978; Fligstein 2001]. Исследуя различные виды такого давления на организации, они помогают нам понять, почему рынки имеют именно такую конфигурацию, а также почему различные организации так по-разному реагируют на стимулы извне. Подобная социологическая литература может быть востребована при оценке роли японских промежуточных организаций в формировании реакции Японии на глобализацию или в отсутствии такой реакции. И все же для построения эффективных прогнозов будущего поведения необходимо больше основанной на теории эмпирической работы, особенно конкретных исследований структур стимулов, обладающих в конкретных организациях на стыке внутреннего и международного.

Вступив в игру позже некоторых европейских государств, включая Германию, Италию и Испанию, Япония также стала разрабатывать корпоративистские модели социально-политической организации, позволяющие одновременно добиться быстрого роста и политической стабильности [Pempel, Tsunekawa 1979: 231–270].

Поэтому теоретическая литература о корпоративизме способна поставить ряд важных вопросов для исследований в области политической экономии позднего развития [Wiarda 1997]. В частности, она предполагает изучение взаимодействия с правительством и друг с другом для обеспечения стабильности и роста таких субнациональных органов, как сельскохозяйственные кооперативы и федерации бизнеса.

Отслеживание и концептуализация таких некорпоративистских взаимодействий является центральной задачей настоящего исследования. Эти взаимодействия заслуживают особого аналитического приоритета, поскольку они сыграли столь значимую роль в формировании траекторий роста многих координированных рыночных экономик (КРЭ)²⁴. С учетом их способности распределять корпоративные риски и одновременно удовлетворять социальные потребности масс они помогают также объяснить успех многих стран в осуществлении быстрой капиталоемкой тяжелой индустриализации.

Помимо обзора абстрактной теоретической литературы, важно также рассмотреть концептуальные и эмпирические выводы, сделанные в работах, более узко фокусирующихся на японской политической экономике как таковой. Для детального рассмотрения парадокса резкого перехода Японии от роста к стагнации особенно полезно проанализировать соответствующую литературу, посвященную экономическому росту страны сразу после Второй мировой

²³ Олсон утверждал, что чем дольше общество наслаждается политической стабильностью, тем больше вероятность того, что в нем появятся лобби с особыми интересами (распределительные коалиции), которые сделают его экономически менее эффективным [Olson 1982].

²⁴ О различиях между кооперативными рыночными системами с запоздалым развитием и либеральными рыночными экономикami см. [Hall P., Soskice 2001].

войны, с особым акцентом на структуры стимулов на микроуровне²⁵. В конце концов, именно индивиды принимают решения, которые распределяют ресурсы и определяют политику, пусть и в рамках институциональных параметров.

Возможно, наиболее известной классической работой, посвященной японскому экономическому росту, является исследование Кадзуси Окавы и Генри Розовского, которые подчеркивали важность отраслевых сдвигов в распределении ресурсов, что позволило Японии повысить производительность и оптимально использовать капитал [Ohkawa, Rosovsky 1973]. В своей работе они отдают предпочтение макроэкономической переменной: накоплению капитала. Подчеркивая усиление тенденции в этом ключевом параметре, их работа изысканным образом анализирует модели экономического роста Японии в период нефтяных кризисов 1970-х годов. Однако в последние годы корреляция между этой независимой переменной и скоростью экономического роста начала снижаться, и авторский анализ, сфокусированный на макропеременных, с трудом объясняет резкий переход к стагнации в начале 1990-х годов. Очевидно, что необходимо добавить дополнительное измерение – уже на микроуровне.

Самой известной в области политической экономии работой, исследующей уникальную модель японского экономического роста, является книга Чалмерса Джонсона [Johnson 1982]. Джонсон считает, что истоки экономического успеха Японии в период высоких темпов ее развития лежат в самобытных моделях развивающегося, планомерно-рационального управления экономикой, в которых стратегически используется межсекторальная синергия и долгосрочная логика международной конкуренции [Там же: 18–21]. Согласно его доводам, критическими переменными в анализе, который выходит в микрополитическую сферу, хотя и без систематического рассмотрения структур стимулов на микроуровне, являются институты развития, в первую очередь бюрократические, и их стратегия. Однако на примере подробной и тщательно изученной институциональной истории японского Министерства торговли он нашел возможность показать, как можно успешно реализовать стратегию развития для достижения высоких темпов роста. Ключевой проблемой анализа Джонсона, которую часто отмечали его современники, был существенный аналитический сбой, связанный с экстраполяцией стратегических решений Министерства международной торговли и промышленности (МИТИ) на показатели японской экономики в целом²⁶. Эта проблема скрыта в самом названии его книги («МИТИ и японское чудо»). Джонсон не установил системную взаимосвязь между двумя центральными переменными своего анализа. По мере того как на протяжении 1990-х годов показатели японской экономики менялись с положительных на отрицательные, его подход не позволит объяснить эти изменения, поскольку объясняющим фактором, которому он отдавал предпочтение, была образцовая и неизменная структура занимающейся промышленной политикой японской бюрократии. В течение многих лет после публикации своего нашумевшего труда Джонсон продолжал упорно утверждать, что Япония побеждает внешний мир, даже когда японские преимущества неуклонно и явно ослабевали.

В моей книге, как и в книге Джонсона, подчеркивается важность понимания роли политико-экономических институтов в экономической деятельности. В этой книге предпринята попытка преодолеть трудности, с которыми сталкивается Джонсон, сосредоточив внимание не на самих отдельных институтах, а на структурах стимулов, действующих внутри институтов и между ними. Эта книга не концентрируется исключительно на функционировании официаль-

²⁵ Одна из первых работ, скорее теоретическая, однако основанная на японском материале и разделяющая общее с автором настоящей книги мировоззренческое убеждение о важности индивидуальных стимулов как ключа к пониманию более широких социальных результатов [Dore 1973]. Примером более поздней, более формализованной и очень инновационной работы в этой области является [Ramseyer 1993].

²⁶ В настоящей книге используются названия МИТИ и МЕТИ, относящиеся, по сути, к одной и той же организации, которая была реорганизована с расширением функций в 2001 году. Министерство международной торговли и промышленности (МИТИ) называлось так до его реорганизации, Министерство экономики, торговли и промышленности (МЕТИ) – его новое название, когда ему были переданы функции, ранее выполнявшиеся упраздненным Агентством экономического планирования.

ных государственных бюрократий или их роли на макроуровне в более широкой национальной политической экономике, а сосредоточена на микроуровне финансовых институтов и гибридных государственно-частных сетей – именно там фактически принимают решения или сдерживают их принятие.

Рассмотрению новых парадигм японской экономической деятельности, установившихся после краха начала 1990-х годов, как на макро: так и на микроуровне, до сих пор были посвящены немногие работы. Среди них можно назвать книгу Ульрике Шеде [Schaede 2008], отличающуюся явным вниманием к важности структур стимулирования на микроуровне. На основе детального анализа изменений промышленной архитектуры и корпоративной стратегии в течение первого десятилетия XXI века она заявляет о возникновении новой Японии. Шеде открывает для эмпирического исследования новые важные области, однако ее пристрастие к оптимистическому взгляду на вещи не позволяет ей принять во внимание те социально-политические силы и институциональные изменения, которые сдерживают структурные изменения и реакцию на глобализацию в Японии. Среди этих сдерживающих элементов – многие из рассматриваемых в моей книге сговоров, которые стимулировали в 1980-1990-х годах спекулятивное кредитование, а также такие институциональные изменения, как крах банков долгосрочного кредитования, по причине которого в последующие годы резко снизились долгосрочные инвестиции терпеливого капитала.

В то время как большей частью научная литература, посвященная периоду высоких темпов японского экономического роста, сосредоточена на непосредственном объяснении экономических успехов страны, представители другой ее части придерживаются более опосредованного подхода, фокусируясь на взаимосвязи между политической стабильностью, институтами регулирования и микроэкономическим поведением японских фирм. Цель подобного анализа заключается в том, чтобы увидеть важность политической стабильности и других политических процессов, например, распределения ресурсов. Подобный подход сохраняет свою актуальность и для понимания успеха капиталоемкого экономического развития в 1960-1970-х годах. Две моих книги конца 1980-х – начала 1990-х годов можно считать принадлежащими к этому жанру, а проведенный в них анализ стал основой того, что вдохновило меня на написание нынешней работы [Calder 1988a, 1993].

Исследования Дэниела Окимото, Ричарда Сэмюэlsa и Т. Дж. Пемпела также посвящены взаимосвязи между экономическим ростом Японии и ее политической эволюцией, хотя и с менее явным вниманием к учету влияния политических структур на скорость экономического роста [Okimoto 1989; Samuels 1987; Pempel 1998]. В своей заслуживающей внимания работе Стивен Фогель пишет о том, что встроенные в японский капитализм институты осуществляют свою собственную трансформацию, и начинает подробно описывать стимулы и связи между этими институтами и перспективами реформ, особенно на уровне фирм [Vogel 2006:4]. Однако вопрос о том, как структуры стимулов, лежащие в основе политического, а не корпоративного поведения, в значительной степени препятствуют процессу реформ, не рассматривается у него подробно.

Даже будучи экономистом, Эдвард Линкольн уделяет должное внимание многим политическим структурам, препятствовавшим экономическому росту Японии в 1990-е годы, таким как сельскохозяйственные кооперативы, система распределения и пожизненная занятость [Lincoln 2001: 94-120]. Однако он объединяет их под названием «групповые интересы» и не намерен подробно обсуждать их часто контрастирующие стимулы или внутреннюю динамику. Поэтому его анализ не дает основы для объяснения часто позитивной технической роли неправительственных организаций, стимулов их членов или того парадокса, когда эти организации оказывали положительное влияние на развитие в одну эпоху и, наоборот, отрицательное – в другую.

Ричард Кац – один из тех немногих авторов, кто предпринял попытку объяснить как рост 1950-1960-х годов, так и последовавшую за ним непреодолимую стагнацию, и выпустил две яркие работы общего характера, наводящие при этом на многие размышления [Katz 1998, 2003]. Используя хронологический политико-экономический подход, Кац подчеркивает, как политический клиентелизм с течением времени все больше ставил под угрозу управление экономикой и делал это управление все более жестким и неэффективным. На общем эмпирическом уровне работа Каца действительно проливает свет на причины перехода от роста к стагнации. Тем не менее он не определяет в деталях конкретные действующие институциональные переменные или взаимосвязь между внутренними структурами стимулов и более широкими силами, действующими в глобальной политической экономике.

Ив Тибергьян, как и Кац, углубленно изучает политическую экономию недавнего экономического роста и стагнации в Японии [Tiberghien 2007: 104–155]. В отличие от Каца, он подробно рассматривает роль субнациональных факторов (особенно лидерства) в формировании загадочных и противоречивых профилей ригидности и реформ, доминирующих в Японии. Однако в своем проведенном на широком, охватывающем три страны материале исследовании Тибергьян не рассматривает конкретные институты и укорененные стимулы, которые усложняют процессы реформ и реакцию на глобализацию в самой Японии.

В своих творческих работах, изобилующих описанием перспектив устремленной в будущее долгосрочной траектории японской политической экономики, Фрэнсис Розенблат и Майкл Тиес, как и Маргарита Эстевес-Абе, подчеркивают существенный дуализм индивидуального выбора и институциональных параметров, которые его сдерживают. Они подчеркивают важность, в частности, в определении стимулов японских политиков электоральных регламентов [Rosenbluth, Thies 2010; Estevez-Abe 2008]. Эти авторы согласны в том, что избирательная реформа 1994 года, сменившая принцип выборов в японский парламент с многомандатной на одномандатную окружную систему, формирует для политиков более широкие стимулы, что в конечном итоге приведет к привлекательности политики, более ориентированной на рынок. Подобным доводам в отношении партийно-политического и электорального поведения свойственна абстрактная, долгосрочная логика, однако они недостаточно учитывают то, как такие промежуточные организации, как сельскохозяйственные кооперативы, религиозные группы или промышленные ассоциации, стоящие между партиями и широкой общественностью, будут активно формировать микрополитические структуры предпочтений.

Что ясно из анализа описанных ранее ресурсов – это то, что истолкование поразительного и глобально значимого перехода Японии за последние четверть века от экономического роста к стагнации является не менее сложным, многомерным аналитическим процессом, чем прогнозирование перспектив ее возрождения. Этот анализ, естественно, требует внимания к макроэкономическим изменениям, как подчеркивают Окава и Розовский. Однако он обязан также выходить за пределы национального уровня, а сосредоточение именно на нем является главной задачей практически всех упомянутых ранее авторов.

В отличие от них, Шеде [Schaede 2000] подробно рассматривает мезополитические кооперативные объединения Японии. Последние располагаются между государством и представленной шире общественностью, включающей в себя, например, новые ориентированные на рынок частные фирмы, возникающие в настоящее время в электронной и фармацевтической промышленности, а также в сфере услуг, которые Шеде также рассматривает в своем отдельном исследовании [Schaede 2008]. В соавторстве с Уильямом Граймсом Шеде [Schaede, Grimes 2003a] отмечает важность промежуточных институтов в прослеживании самобытных реакций Японии на глобальные изменения через процесс проницаемой изоляции. Она, однако, не занимается подробным рассмотрением конкретных институтов или структур стимулирования, которые опосредуют, а зачастую и сдерживают глобализацию. Как показывает лежащая перед вами книга, существуют убедительные доказательства того, что такие промежуточные

органы в самых разных формах – от ассоциаций банкиров до сельскохозяйственных кооперативов – на самом деле глубоко трансформируют структуру предпочтений своих индивидуальных членов. Такая трансформация делает указанных индивидов сдержанными и нечувствительными к призывам ко всем заинтересованным сторонам, важность которых в последнее время так подчеркивают в своих анализах Розенблат, Тиес и Эстевес-Абе²⁷.

Обширные сдвиги в глобальном распределении капитала между странами, по-видимому, повлияли на путь развития Японии, особенно в условиях все более интегрированной мировой политико-экономической системы, которая начала формироваться в конце 1970-х годов и приобретала все большую международную значимость в начале XXI века²⁸. Тем не менее эти сдвиги в распределении реагируют не только на макроэкономические соотношения спроса и предложения, но и на национальные модели финансового регулирования. Они также по-прежнему реагируют на политико-экономические стимулы, которые часто заложены в прочных субнациональных внутренних институтах на микроуровне. Только комплексный подход, учитывающий международные и внутренние соображения, макро- и микроэкономические, как в экономической, так и в политической сферах, может адекватно объяснить суть исторического перехода от экономического роста к стагнации, который произошел в Японии за последние четверть века, или сложные и детализированные перспективы обращения этого развития вспять.

²⁷ Розенблат, Тиес и Эстевес-Абе подчеркивают важность избирательной реформы 1994 года в преобразовании структуры стимулов избирателей и кандидатов.

²⁸ О возникновении подлинно глобальной политической экономии см. [Frieden 2006; Ferguson et al. 2011a].

Краткая аргументация

В этой книге исследуется, как субнациональные институты влияют на стратегии экономического роста и реакцию страны на глобализацию, с особым акцентом на Японию после Второй мировой войны. Особое внимание уделяется промежуточным – большей частью корпоративным – организациям гражданского общества, которые структурируют индивидуальные, групповые и политические стимулы. Это не является следствием исключительно корыстных интересов, большая часть этих организаций выполняет важные технические и административные задачи. Координирующую и связующую роль во многих из них играют банки.

В книге утверждается, что указанные субнациональные институты интернализируют выгоды и экстернализируют издержки, ориентируя тем самым стимулы своих членов на микроуровне на распределение рисков и выгод, что может как стимулировать крупномасштабные проекты в интересах общества, так и поддерживать основанные на капиталовложениях экспансивные стратегии внутреннего роста. В то же время благодаря своей узкой внутригрупповой ориентации эти мезополитические институты изолируют отдельных принимающих решения индивидов от глобального влияния и, таким образом, косвенно препятствуют оперативной реакции на события во внешнем мире.

В качестве поддержки основной аргументации в книге демонстрируется, как специфические субнациональные институты, так называемые круги компенсации, создают совместные, часто эффективные, но в то же время узко ограниченные, парохильные модели политико-экономического поведения, характерные для Японии и других кооперативных рыночно-капиталистических систем. Они противопоставляются как более и последовательно реакционным распределительным коалициям, которые, как постулировал Манкур Олсон [Olson 1982], препятствуют экономическому росту, так и корыстным интересам, влияние которых характеризуется другими авторами аналогичным образом, см., напр., [Lincoln 2001]. В этой книге исследуется преобладание и функциональная роль кругов компенсации в шести секторах японской политической экономики, выбранных с учетом их предполагаемой роли в формировании моделей развития и глобализации. В число этих секторов входят: (1) финансы; (2) земельная политика; (3) сельское хозяйство; (4) энергетика; (5) транспорт; (6) коммуникации. С целью контроля в книге также кратко рассматриваются модели корпоративного поведения в двух глобализированных отраслях – автомобилестроении и электронике, – где круги не так заметны, а также истории таких инновационных глобальных японских фирм, как SoftBank и Rakuten, которые не были активны в кругах компенсации.

Исследование показывает, что круги компенсации в финансовой и земельной политике, где банки являются важнейшими связующими звеньями, сыграли центральную роль в формировании контуров японского экономического роста. Эти круги функционировали двумя способами: распределяя риски крупных капиталовложений через разделение рисков и поощряя высокий левверидж через связь кредитования и залога недвижимости. Поддерживая разделение рисков и высокий левверидж, компенсационные круги способствовали быстрому росту таких мощных отраслей тяжелой промышленности, как сталелитейная, судостроительная и нефтехимическая, которые обеспечили быстрый рост экономики в 1950-х, 1960-х и начале 1970-х годов. Сельскохозяйственные круги также сыграли свою роль, помогая стабилизировать политические параметры, способствующие капиталоемкой индустриализации, и поддерживая высокие цены на землю, которые, в свою очередь, способствовали либерализации банковского кредитования. Энергетические круги в течение многих лет также способствовали ослаблению ресурсных и валютных ограничений роста благодаря массовому внедрению ядерной энергетики.

Несмотря на то что круги компенсации поддерживали быстрый рост экономики в течение многих лет, через механизмы диффузии риска, включая государственные гарантии, они также усиливали моральный риск. Этот риск был управляемым до тех пор, пока японская система была изолирована от мира посредством валютного контроля и имела такие адекватные механизмы кредитного мониторинга, как банки долгосрочного кредитования. Например, в 1970-е годы круги компенсации смогли эффективно справиться с избыточными мощностями в судостроении путем скоординированного сокращения этих мощностей²⁹. В 1980-х годах по мере развития процесса финансовой глобализации таким классическим структурам мониторинга и распространения рисков, как банки долгосрочного кредитования и система сопровождения Министерства финансов (МФ), стало не под силу стабилизировать круги, что привело к финансовому кризису, кредитному кризису, падению цен на землю и резкому снижению темпов экономического роста. Моральный риск в энергетической системе, наряду с неадекватным мониторингом, после аварии на АЭС Фукусима также привел к кризису энергетических кругов.

Утверждается, что круги компенсации также помогли определить реакцию Японии на глобализацию, несмотря на то что они формировали внутренние модели роста, хотя в этих двух случаях главенствующие места занимали разные круги. Круги в сфере транспорта, сельского хозяйства и коммуникаций напрямую работали над изоляцией Японии от мира и, таким образом, непосредственно сдерживали и откладывали ее реакцию на глобализацию. Круги в финансовой сфере, включая систему сопровождения МФ, также замедлили, но более косвенно, реакцию японских банков, страховых и фондовых компаний. После того как в начале 1990-х годов лопнул финансовый пузырь, нежелание банков давать кредиты усилило рецессию и дефляцию. Несговорчивость и нерешительность, порожденные кругами, открыли возможности для иностранных инвесторов, воспользовавшихся управляемыми внутренними рынками, которые местные игроки пытались сохранить, и спровоцировавшими этим рыночную нестабильность.

В этой книге делается вывод, что круги компенсации настолько встроены в большинство рассмотренных секторов японской экономики структурно, что ликвидировать их в краткосрочной и среднесрочной перспективе нереально. Более продуктивным представляется пошаговый подход – расширение кругов с тем, чтобы они охватывали новые группы, включая иностранцев; возрождение банков, которые часто стоят в центре ключевых кругов; и прекращение гендерной дискриминации. Утверждается, что изучение лучших мировых практик, с особым упором на глобально ориентированные европейские и азиатские страны со схожими с японскими коммунитарными традициями, может вдохновить на дальнейшие продуктивные реформы в самой Японии.

²⁹ Например, в 1979–1980 годах Япония успешно сократила судостроительные мощности на 35 % благодаря программе, разработанной двумя частными промышленными ассоциациями и реализованной с помощью государственных субсидий. URL: <http://GlobalSecurity.org>, globalsecurity.org/military/world/japan/industry-shipbuilding-1970s.htm (в настоящий момент ресурс недоступен).

Выводы

С тех пор как в 1853 году черные корабли (##, *курофунэ*) commodора Мэтью Перри впервые бросили якоря у японских берегов³⁰, политико-экономическая система Японии пережила необычайные перепады производительности и поразительные колебания даже после нефтяных кризисов 1970-х годов. Судьба этой страны переплелась со многими силами, определяющими и формирующими наш мир, включая войны, промышленное развитие и глобализацию. Во взаимодействии с этими историческими глобальными силами политико-экономические показатели Японии представляют собой бесчисленное множество эмпирических загадок. Эти загадки служат прекрасным сырьем для построения теории как в сравнительной, так и в международной политической экономии.

Несмотря на те возможности для построения общественно-научной теории, которые предоставляет японская государственная политика со всеми ее парадоксальными аспектами, японистами сделано удивительно мало для того, чтобы этими возможностями воспользоваться [Calder 1998: 336–353]. Самые заметные исключения – концепции «государства развития» Чалмерса Джонсона, «корпоративизм без труда» Т. Дж. Пемпела и «политический рынок» Рамзайера – Розенблат. Очевидно, что остается простор для более японоцентричного анализа, который, принимая во внимание углубляющиеся отношения, существующие между внутренней системой Японии на микроуровне и более широким внешним миром, внес бы более увесистый вклад в теорию общественных наук.

Разработанная в этой книге модель мезополитических кругов компенсации имеет уникальную эвристическую и прогностическую ценность, поскольку она признает как доминирующую институциональную структуру поздних развивающихся кооперативных рыночных экономик с их сильными корпоративистскими тенденциями, так и микроэкономическую структуру действующих в таких системах стимулов. Эклектический акцент на рациональном выборе при условии институциональных ограничений придает представленным ранее тройным парадоксам упрощенную форму, которая, разумеется, также может быть модифицирована, но до сих пор еще не была выразительно представлена.

Среди наиболее перспективных эмпирических загадок, которые ставит перед нами японский опыт, – колебания темпов экономического роста Японии в последние годы и ее неоднозначная реакция на глобализацию. Обе эти загадки относятся к сравнительному контексту и связаны с субнациональными моделями кооперации, заложенными глубоко в японской политико-экономической системе, к концептуализации которой мы сейчас обратимся более вдумчиво.

³⁰ Черные корабли Перри появились у входа в Токийский залив в июле 1853 года. После демонстрации огневой мощи 14 июля 1853 года Перри было разрешено высадиться на берег, чтобы вручить письмо с требованием предоставления прав на торговлю. В марте 1854 года он вернулся, чтобы подписать Канагавский договор, открывающий Японию для торговых судов.

Глава 2

Концепция кругов компенсации

В течение последнего полувека сравнительная политическая экономия постепенно заявила о своей независимости от регионоведения и превратилась в предмет, ориентированный на теорию³¹. В авангарде таких теоретических сравнительных исследований стоят специалисты из Европы, Латинской Америки, Африки и даже Юго-Восточной Азии с их большим количеством национальных примеров, в то время как исследователи крупных стран от них отстают. Медленнее всего к активному построению теории приступили специалисты по крупным странам со сложными, не изучавшимися широко на Западе языками – таким как Китай, Индонезия, Корея и Япония.

В последнее время в экономике Японии – как по сравнению с ее собственным недавним прошлым, так и по сравнению с траекторией развития других развитых индустриальных стран – наблюдается поразительный парадокс. Этот парадокс имеет два главных и взаимосвязанных аспекта: недавняя неспособность Японии к экономическому росту и ее сегодняшняя неспособность к глобализации. Инновации и структурные изменения стали затруднены, а самоуспокоенность оказалась широко распространена. Парадокс японской государственной политики в этих двух измерениях – экономического роста и глобализации – имеет не только тревожный для всего мира политический эффект, но и теоретическое значение. Его интеллектуальная разгадка может помочь генерировать идеи, которые, несмотря на их порождение уникальным национальным опытом, будут иметь также важное эвристическое значение на международном уровне.

Многие концепции, включая классовый конфликт, корпоративизм и разделение сфер влияния, импортированы в исследования Японии из изучения других регионов мира. Тем не менее лишь немногие из исследователей совершили путешествие в обратном направлении³². Настало время для более активных усилий японоведов по обогащению своих дисциплин в целом³³.

В этой главе мы подробно остановимся на вкратце представленном в главе 1 понятии кругов компенсации, которое обещает помочь разгадать парадокс японской государственной политики и в то же время внести вклад в более широкую социальную теорию. Это особая структурная конфигурация в рамках политики компенсаций, которая представляет собой политику, направленную в первую очередь на рекламу и удовлетворение спроса на материальные блага в процессе взаимодействия праводателей и жертвователей, в отличие от политики, ориентированной на достижение нематериальных целей [Calder 1988b: 160]. Такие круги компенсации нами определяются более конкретно как сети с постоянными членами, между которыми происходит такое взаимодействие и которые имеют взаимные выгоды и обязательства³⁴. В их состав могут входить как действующие, так и отставные правительственные чиновники, а также представители широкого круга частных лиц, часто включая финансистов, занимающих главенствующие посты, хотя в целом круги, как правило, по своей природе не склонны иметь иерархический характер.

³¹ К некоторым из вех этой эволюции можно отнести книги [Huntington 1968; Schmitter, Lehmbruch 1979; Haggard 1990; Lijphart 1999; Acemoglu, Robinson 2012].

³² Среди этих немногих Чалмерс Джонсон с его концепцией государства развития, к которой он обращался, в частности, для объяснения политико-экономических событий в Корее [Woo-Cumings 1999].

³³ Обзор усилий по разработке абстрактных понятий исходя из японского опыта см. [Calder 1998: 336–353].

³⁴ Здесь используется определение, первоначально изложенное мною в [Calder 1988a: 160].

Основные положения концепции

Круги компенсации имеют пять определяющих характеристик, которые позволяют распознать их по обозначению. Во-первых, у них имеется четко определенный набор членов, который в значительной степени остается неизменным с течением времени. Во-вторых, этот набор может расширяться; в принципе, он может быть дополнен новыми членами, хотя на это обычно требуется согласие уже существующих. Такая способность к расширению – как правило, путем кооптации – дает кругу определенную гибкость реакций на внешнее давление, при условии, что он обладает достаточными ресурсами для поддержки своего расширенного состава. Членами круга могут быть представители как государственного, так и частного сектора. В-третьих, круги компенсации *итерируются*, то есть функционируют в течение длительного периода времени. Таким образом, они являются, говоря языком теории игр, институтами, а не простыми одноактными играми³⁵. Стабильность этих кругов способствует их гибкости, так как их члены имеют общую возможность в течение определенного периода времени обмениваться предпочтениями с другими членами. Когда круги становятся институционализированными, межпроблемные компромиссы также усиливаются. В-четвертых, круги распределяют ценные ресурсы внутри себя, обычно через рути-низированный, бесконфликтный процесс, такой как равное распределение между всеми членами, или последовательное распределение, как в системе строительства *данго*³⁶. Таким образом, круги включают в себя параметры, основанные как на отношениях, так и на правилах³⁷. Действия правительства могут оказать решающее влияние на уровень выделяемых ресурсов – посредством прямых субсидий, налоговой политики или регулирования.

В-пятых, круги компенсации экстернализируют издержки на тех, кто находится за их пределами, тем самым сохраняя гармонию внутри своей группы, составляющей любой данный круг компенсации. Такие образования, естественно, более чувствительны к стимулам, исходящим от других членов группы, чем к тем, что исходят извне, что делает их замкнутыми, парохильными.

Общая схема транзакций внутри круга компенсации, а также между таким кругом и его социально-экономической средой представлена на рис. 2.1.

Как показано ранее и как видно на рис. 2.1, круги компенсации обычно функционируют в тесных, как правило, симбиотических отношениях с государственными регулирующими органами. Действительно, во многих случаях правительственные чиновники или ушедшие в отставку служащие, занимающие корпоративные должности *амакудари*, лучше всего воспринимаются как члены самих кругов. Такие структуры могут предоставлять своим членам прямые материальные выгоды, например государственные займы или налоговые льготы. Они могут регулировать ценообразование, способствовать или препятствовать вхождению новых членов, предоставлять участникам особые льготы, а также при помощи различных стимулов влиять на микроэкономическое поведение членов при принятии таких судьбоносных решений, как капиталовложения. Государственные органы также могут мобилизовать членов круга для бюрократических целей, например, в случае с банками, для андеррайтинга государственных облигационных займов. Они также могут помочь сдержать уклоняющихся от оплаты потре-

³⁵ О концепции итерации и ее последствиях для структуры стимулов см. [Tsebelis 1990: 72–78; Axelrod 1984: 73–87]. Аксельрод отмечает, например, что небольшие подразделения, противостоявшие друг другу в окопной обороне во время затяжных кампаний Первой мировой войны, часто разрабатывали ритуализированные формы ведения войны, например британский вечерний орудийный салют, производимый в предсказуемое время, демонстрируя одновременно и способность к агрессии, и намеренную сдержанность, при условии взаимности со стороны противника.

³⁶ О *данго* в японской строительной отрасли см. [Woodall 1996: 27–28].

³⁷ Об этом различии см. [Shuhe Li 2003].

бителей общественного блага – а это проблема, эндемическая для коллективных действий, о чем писал Манкур Олсон. Круги компенсации предполагают гибкое распределение благ и издержек между членами группы в процессе ее функционирования, а правительство способно содействовать обеспечению предсказуемого, долгосрочного распределения, как формального, так и неформального.

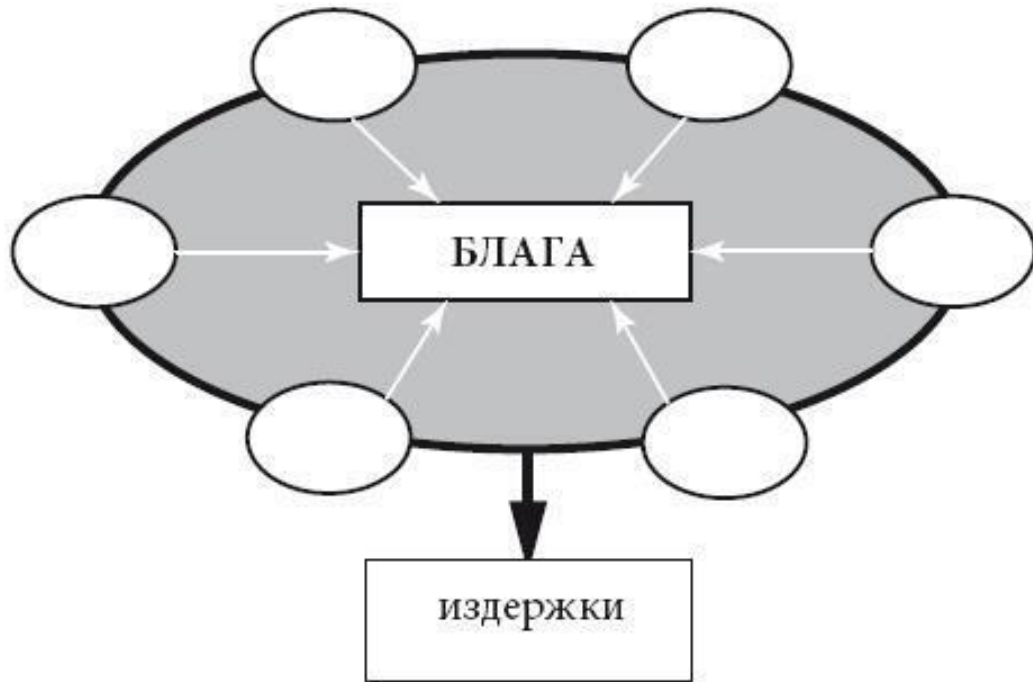

Рис. 2.1. Круги компенсации – преобладающие модели распределения благ
Источник: рисунок автора

Круги компенсации, как правило, имеют склонность к диффузии риска и стабильности, что снижает стимулы их членов к радикальным инновациям. Круги компенсации заинтересованы в поддержании сплоченности, поэтому им необходима твердая иерархия. Этим установкам соответствуют постепенные инновации, сложное производство и высокий уровень контроля качества, но никогда – преходящие смены парадигм³⁸.

³⁸ Холл и Соскис отмечают, что этот уклон в сторону постепенных, а не радикальных инноваций характерен для КРЭ в целом [Hall P., Soskice 2001: 44].

Институциональные проявления

Круги компенсации обладают описанной ранее общей логической структурой. Они принимают самые разнообразные институциональные формы, отражающие общую логику, а также различные политико-экономические контексты. Круги поддерживаются также широким спектром механизмов распределения ресурсов. На следующих страницах мы рассмотрим и классифицируем примечательные вариации таких кругов, встречающиеся во всем мире, уделяя особое внимание тому, как они устроены в Японии, являющейся основным географическим объектом нашего исследования.

В качестве наиболее широко изученного и наиболее известного варианта круга компенсации выступает картель, который можно определить как соглашение о сотрудничестве между конкурирующими лицами или организациями. Как правило, картели вступают в экономический сговор с целью стабилизации или повышения цен, часто путем ограничения выпуска продукции. Они также могут использоваться для распределения обязанностей в процессе свертывания производства, как это происходит в так называемых картелях рецессии или рационализации³⁹. В качестве альтернативы они могут использоваться для разделения технической ответственности в процессе научных инноваций, как это происходит в рамках исследовательских картелей⁴⁰. Это понятие может быть распространено на политическую или социальную сферу для обозначения договоренностей о сотрудничестве между политическими конкурентами, таких как картель элит и картель тревожности, которые Ральф Дарендорф описал в исследовании о Веймарской республике [Dahrendorf 1967:267]⁴¹. Во всех этих механизмах, как правило, происходит интернализация выгод и экстернализация затрат, что демонстрирует характерное для кругов компенсации поведение.

Промышленные объединения также часто проявляют, хотя и в институционализированной и многофункциональной форме, функциональные черты кругов компенсации⁴². В таких объединениях имеется группа членов, которые объединяются для достижения общей цели, такой как лоббирование или регулирование промышленного потенциала, интернализируя выгоды от своих действий. Как правило, они действуют в оборонительном ключе, чтобы экстернализовать затраты – например, повышая цены, чтобы компенсировать сокращение объемов производства. Функции промышленных объединений могут пересекаться с функциями картелей, хотя первые в целом функционально шире и более разнообразны в своей деятельности.

Для успешного функционирования кругу компенсации обязательно требуется поток ресурсов – предпочтительно такой, который предсказуемым образом поступает в круг для целей распределения и недоступен для посторонних. Когда такой предсказуемый поток существует, а распределение между отдельными получателями не определено соглашением о праве, очень высока вероятность того, что круг компенсации возникнет и сохранится.

Существует также широкий спектр специализированных, функционально ориентированных и принципиально продуктивных коллективов – очень широко распространенных в Японии и аналогичных странах с координированной рыночной экономикой (КРЭ), – которые в соответствии с вышеуказанными критериями квалифицируются как круги компенсации. Например, исследовательский картель японских электронных фирм, занимающийся крупно-

³⁹ Об этих концепциях см. [Urie 1996; Hiroshi 1996: 79–81].

⁴⁰ Примером может служить японский проект сотрудничества между МПТ и несколькими частными фирмами по разработке и внедрению СБИС [Hofheinz, Calder 1982].

⁴¹ Дарендорф отмечает, что подлинное чувство развития начинается с одомашнивания конфликта путем его признания и регулирования, а не подавления или отбрасывания.

⁴² О промышленных объединениях в США и Японии см. [Lynn, McKeown 1988].

масштабной интеграцией (СБИС), эффективно работал над созданием чипа DRAM объемом 64К, а также соответствующего производственного оборудования [Hofheinz, Calder1982:154–157]. Японский Комитет по организации выпуска облигаций (*Kisai Kai*) назначал корпоративные ассигнования на покупку корпоративных и государственных облигаций, поддерживая стабильность процентных ставок в условиях массового выпуска облигаций в строго регулируемой среде 1960-1970-х годов [Calder 1993: 29–30, 164–167, 214–218]. Совет по капитальным инвестициям в японской сталелитейной промышленности, состоящий из бывших заместителей министров международной торговли и промышленности (MITI), работавших в каждой из ведущих японских сталелитейных компаний, коллективно определял расширение мощностей сталелитейной промышленности в течение большинства лет высоких темпов роста после 1960 года [O'Brien 1992: 128–159].

Одним из таких институциональных механизмов создания предсказуемых, защищенных потоков ресурсов является бюджетный специальный счет, на котором доходы собираются с помощью какого-либо четко определенного транзакционного механизма и четко отделяются от общих доходов для узко и четко определенной альтернативной цели. Другим механизмом является государственное финансовое учреждение с конкретно и точно определенными кредитными мандатами. В области налоговых расходов аналогичную функцию выполняют узконаправленные специальные графики амортизации. Все эти механизмы распределительной поддержки широко используются в стремящихся к развитию кооперативных рыночно-капиталистических странах, в том числе и в Японии⁴³.

⁴³ Япония, например, по состоянию на 2015 финансовый год учредила четырнадцать специальных счетов с общим бюджетом в ¥403,55 трлн, что более чем в четыре раза превышает общий счет. URL: www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2015all.pdf (в настоящий момент ресурс недоступен).

Географическое распределение

Круги компенсации – не уникальный японский феномен. В форме картелей они занимали видное место в промышленной организации континентальной Европы с начала индустриальной революции во второй половине XIX века. В менее структурированной форме ассоциаций производителей они и по сей день координируют деятельность швейцарской часовой промышленности [Katzenstein 1984: 198–238]. Органы содействия развитию молокоперерабатывающей и животноводческой промышленности Дании и Голландии имеют схожие функции и характеристики, хотя они могут быть менее склонны к внутригрупповой дискриминации, чем их японские коллеги, поведение которых рассматривается в главе 6. Как в Европе, так и в других странах, круги компенсации часто выделяются в отраслях тяжелой промышленности, для которых характерны единовременные крупномасштабные капиталовложения, высокие постоянные затраты и резко снижающиеся предельные издержки. Это такие отрасли, как сталелитейная, нефтехимическая и судостроительная. Как отмечает Джон Саттон, структура затрат в промышленности, особенно невозвратные затраты, может быть важным фактором, определяющим выбор организационной структуры [Sutton 1991, 1998].

В Азии круги компенсации также часто играют свою важную роль. Президент Пак Чон Хи в начале 1970-х годов сознательно подражал японским сельскохозяйственным кооперативам в своей политике *саемаул*, «движение новой деревни». Ким Дэ Чжун возродил модель консорциума, инициировав институционализированное сотрудничество между работниками и руководством во время азиатского финансового кризиса 1997–1998 годов [Kim T. 2008: 78–94]. При Дэн Сяопине и Махатхире Мохамеде и Китай, и Малайзия также подражали японским моделям промышленного объединения и организации⁴⁴. Аналогичным образом поступали Турция и Индия. Во всех этих случаях главными целями стали распыление рисков и техническое сотрудничество для содействия быстрой капиталоемкой индустриализации.

Средиземноморский мир также воспринял корпоративистские варианты, которые представляют собой перестановки в парадигме кругов компенсации, как бы противоречивы они ни были [Schmit-ter, Lehmbruch 1979]. Италия Бенито Муссолини, Испания Франсиско Франко, Португалия Антониу Салазара – все они управлялись через консорциум, в рамках которого основные группы сговора были представлены на высшем национальном уровне и объединяли интересы элит во взаимном сотрудничестве без массовой политической мобилизации. В течение многих лет, до появления массовой демократии, эта модель также была типичной для таких латиноамериканских технократий, как Бразилия Эрнесто Гейзеля и Жуана Фигейредо (1974–1985) [Power, Doctor 2004: 218–241]. На самом деле, круги компенсации являются излюбленным средством распределения политико-экономических ресурсов в целом ряде стран с переходной экономикой, где рыночные механизмы еще недостаточно развиты и где их стремительное появление могло бы привести к социальной дестабилизации.

⁴⁴ Kent E. Calder. The Japanese Model of Industrial Policy (выступление на Пекинском форуме 2007 года).

Поучительная ценность примера Японии

Если круги компенсации так распространены во всем мире, особенно в странах с переходной экономикой, почему же мы сосредоточились на их проявлении в Японии? Главных причин тому три. Во-первых, на протяжении полутора веков Япония была как примером экономического успеха, так и основным практиком указанной модели социально-политической организации; поэтому ее усилия по максимизации стабильности и экономического роста с помощью этих механизмов были массово воспроизведены в других странах⁴⁵. Корея при Пак Чон Хи и Китай при Дэн Сяопине – это именно те случаи, когда к японской социально-экономической модели в широком смысле этого слова обращались со всей серьезностью⁴⁶.

Японские круги компенсации также необычайно хорошо развиты в институциональном плане, что делает их уникальным доступным объектом для изучения. В Японии существует множество официальных отраслевых ассоциаций, таких как Японская ассоциация банкиров и Национальная федерация сельскохозяйственных кооперативных ассоциаций (Zen-Noh), которые рассматриваются, соответственно, в главах 4 и 6. В стране также существует сложная и формализованная система специальных бюджетных счетов (*токубецу кайкей*), которые легко идентифицируются, легко анализируются и являются существенными по своему смыслу для политики и распределения ресурсов.

Несмотря на то что компенсационные круги, похоже, повсеместно распространены в Японии, их зачастую воспринимают превратно. Существует (о чем говорилось в главе 1) обширная литература о социально-экономической организации в этой стране, изобилующая такими широко обсуждаемыми понятиями, как *Япония, Инкорпорейтед, правящий триумvirат, дзайкай, кейрецу и дзоку*, см., напр., [Yanaga 1980; Magaziner, Hout 1980; In-oguchi, Iwai 1987]. Однако в этих публикациях, как правило, не рассматривается важнейший вопрос о структуре стимулов на микроуровне. Внимание к стимулам, о которых речь пойдет, в частности, во втором разделе этой главы, очень важно для понимания закономерностей стабильности и перемен в Японии.

Японские круги компенсации – интересная тема, на которой стоит сосредоточиться, наконец, и потому, что они имеют необычайно важные *глобальные* последствия для мира XXI века. С 1/12 частью мирового ВВП Япония является крупнейшей экономикой свободного рынка в мире, не считая Соединенных Штатов. Как таковая она достаточно велика для того, чтобы многие национальные институты могли спокойно сосредоточиться исключительно на внутреннем рынке. Многие могут уделять международной торговле лишь умеренное внимание – менее 18 % ВВП, по сравнению с вдвое большей долей в соседней Корее⁴⁷.

Неудивительно поэтому, что, учитывая изолированность и часто клиентелистское регулирование, круги компенсации стали пользоваться в японской политической экономике огромным влиянием, формируя как ее внутренние склонности, так и международную ориентацию. Как мы увидим, в течение полувека после Второй мировой войны и последующего взрыва финансового пузыря такие круги сыграли определяющую роль в обеспечении быстрого экономического роста Японии, ориентированного на банки. В первые годы после Второй мировой

⁴⁵ Гильдии, картели и различные эксперименты с корпоративизмом имеют почтенную родословную, в частности, в Европе и Латинской Америке, но японские отношения между правительством и бизнесом носят корпоративистский характер с эпохи Мэйдзи [Schmitter, Lehmbruch 1979].

⁴⁶ О транснациональном подражании японской социально-экономической модели см., напр., [Kim B. et al. 2011; Vogel 2011:291–310].

⁴⁷ По данным Мирового банка, в 2015 году экспорт товаров и услуг составлял 17,9 % ВВП Японии по сравнению с 45,9 % ВВП Южной Кореи. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NE.EXRGNFS.ZS> (дата обращения: 16.01.2022).

войны связь между банковской и земельной политикой, созданная и поддерживаемая этими кругами, судьбоносно определила глобально значимый профиль роста и стагнации Японии.

Круги также оказывают постоянное воздействие на способность Японии реагировать на глобальные рыночные силы, как посредством их порочного влияния на распределение в целом, так и особенно в традиционно регулируемых секторах услуг, таких как телекоммуникации. В указанных сферах их диффузионный характер сдерживает революционные технологические инновации и политико-экономические изменения. Именно эти ригидные факторы задерживают на микроуровне решение в Японии долговых проблем, препятствуют внутреннему поглощению капитала и, следовательно, способствуют тому, что экспансионистская внутренняя фискальная политика Японии становится необычайно стимулирующей за ее пределами, в условиях все более взаимозависимой глобальной финансовой системы.

Недавняя внутренняя борьба Японии с глобализацией и вызванный ею значительный отток капитала имеют критическое значение для самой этой страны. Они также важны для Соединенных Штатов, с которыми Япония глубоко взаимозависима как в экономическом плане, так и в плане безопасности. Через эту американо-японскую связь напряженные отношения Японии с глобализацией важны для всего мира [Gilpin 1987].

Почему круги компенсации получили широкое распространение в Японии

Ярко выраженная значимость компенсационных кругов в Японии имеет глубокие корни в истории этой страны как представителя позднего на международном уровне развития, оказавшегося при этом авангардистом в азиатской региональной перспективе. В период Мэйдзи такие круги, вероятно, играли главную роль в экономическом росте Японии, ее политической стабильности, а иногда и в ее автономии в международных делах. Япония возникла в мировой политической экономике в конце XIX века – в самый разгар империализма. Перед ней стоял суровый набор альтернатив: быстрая индустриализация с сильным военно-промышленным уклоном или подпадание под западное колониальное господство. Лидеры Мэйдзи выбрали первое.

Таблица 2.1. Три функциональных варианта кругов компенсации

Функция круга	Проблема	Решение
Защита	Внешняя/внутренняя торговая конкуренция	Тарифы/квоты и промышленные объединения
Стабилизация	Социально-политические изменения	Корпоративистские гражданские институты и сельскохозяйственные ассоциации; распределительные льготы
Распыление рисков	Неопределенность/нестабильность масштаба инвестиций	Межсекторальные/интрасекторальные объединения и соглашения между правительством и бизнесом

Источник: составлено автором

Выбранный Японией курс предполагал терпеливое воплощение трех институциональных императивов, с которыми столкнулись сами лидеры Мэйдзи: (1) защита торговли для зачаточной промышленности Японии; (2) политическая стабильность, чтобы способствовать национальному единству и уверенности в активном курсе страны; и (3) распыление рисков, призванное побудить банки и промышленников кредитовать и инвестировать огромные суммы, необходимые для строительства оптимальных по масштабу сталелитейных заводов, верфей и арсеналов. Каждая из этих задач указывает в качестве решения на ориентированные на сотрудничество коллективные действия – круги компенсации, – несмотря на явные долгосрочные препятствия для эффективности таких действий, что подчеркивали Олсон и другие [Olson 1982]. Эти три вызова эпохи Мэйдзи породили три функционально дифференцированных варианта парадигмы кругов компенсации, которые можно идентифицировать и сегодня. Они представлены в табл. 2.1.

В сфере международной экономики Япония, как и другие индустриальные страны позднего периода, предпочла ответить на проблему торговой конкуренции защитой торговли

посредством тарифов и квот. Однако до 1911 года этот курс сдерживался неравноправными договорами, заключенными с западными державами. Как следствие, Япония пыталась защититься от глобальной конкуренции более опосредованно, через внутреннюю кооперацию – отраслевые кооперативные ассоциации (*гёкай*),

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.